Но и это еще не все

Евгения Ефимова

18+

Евгения Ефимова

Но и это еще не все

«Автор»
2026

Ефимова Е.

Но и это еще не все / Е. Ефимова — «Автор», 2026

«Но и это еще не все» — цикл мрачных историй, где ужас прячется в обыденном: в скрипе половиц, в семейном фото, в желании всё исправить. Здесь дома хранят чужие трагедии, любовь становится проклятием, а попытка переиграть судьбу оборачивается новой бедой.В этих рассказах самое страшное рождается не из внезапных пугалок, а из медленного осознания: прошлое не исчезает, оно ждёт своего часа, чтобы напомнить о себе. Неожиданные финалы не закрывают двери, а распахивают их в ещё более тревожное пространство — будто история на самом деле не заканчивается, а лишь делает паузу.Цикл балансирует между мистикой и психологическим напряжением, показывая, как тонкая грань отделяет надежду от одержимости, заботу — от роковой ошибки, а реальность — от искажённого отражения в сознании. Для тех, кто ценит хоррор, где по-настоящему страшно становится не от монстров, а от того, на что мы готовы ради тех, кого любим.

© Ефимова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

«Тени прошлого» 5
Глава I. Побег 5
Глава II. Орфилд 9
Глава III. Судьба 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Евгения Ефимова
Но и это еще не все

«Тени прошлого»

Глава I. Побег

Во второй половине XIX века на ферме со странным названием «Последний путь» случилось событие, частое для тех лет: группа чернокожих рабов попыталась бежать.

Название прижилось не случайно — здесь рабы и правда находили последнее пристанище. Богатый рабовладелец свозил темнокожих со всех концов страны.

Люди, которые попадали сюда, плакали ещё до того, как им показывали хижины. Они плакали, увидев землю: чёрную, слежавшуюся,пропитанную темно красной жидкостью — и понимали, что назад дороги нет. Слова здесь были не нужны.

Многим хозяевам того времени была присуща жестокость, но мистер Уильям Ферн превзошёл их всех. Снять кожу с живого человека или отрубить рабу палец — на корм собакам — было для него обычным делом. Рабы запомнили его тихий голос: он почти никогда не кричал. Приказы отдавал спокойным тоном, и от этого тона у людей холодело в животе сильнее, чем от любого крика. Собаки его не лаяли на него никогда — только смотрели и ждали.

Его жена, с виду утончённая дама из высшего общества, миссис Элеонора Ферн-Кроуссон, происходила из рода аристократов лондонского королевского двора. «Элли» — так ласково называл её отец, который души не чаял в доченьке и потому выдал её замуж за сына богатого американского землевладельца. Привыкшая получать всё и сразу, она ради безупречного вида шла на чудовищные меры по отношению к рабам.

Многое творилось на этой ферме, о чём история умалчивает, — и рабы знали об этом. Они знали, что старый колодец в дальнем углу двора уже лет двадцать как не даёт воды. И что иногда, в безветренные ночи, когда всё вокруг замирало, оттуда доносилось слабое, ровное пение — без слов, не своим голосом. Рабы не подходили к колодцу. Собаки тоже не подходили.

Первые невольники прозвали это место «Последний путь»; со временем название закрепилось, а хозяин решил его не менять. Он вообще любил, когда всё оставалось на своих местах.

Наша история началась в один из дней на ферме.

Молодая рабыня Мэри, прислуживавшая в доме, уронила каплю воска со свечи на лежавшее на кровати любимое платье мадам. Воск застыл медленно, тянущейся белой каплей по шёлку, — и это движение заняло не больше мгновения. Мэри застыла вместе с ним, руки вдруг стали чужими и тяжёлыми, а в комнате за её спиной уже стояла тишина — та самая, от которой кожей помнили о кнуте.

— Элли… — Мэри повернулась, не решаясь поднять глаз. — Простите, мэм. Я не хотела…

Элеонора сидела у зеркала. Она не обернулась сразу — сначала посмотрела в отражение, на платье, и медленно, кончиками пальцев, провела по застывшей капле.

— Не хотела, — повторила она ровно, почти ласково. — Карл!

Мэри вздрогнула всем телом раньше, чем поняла — от чего.

— Позовите мне Карла, — сказала мадам зеркалу, как будто оно было виноватым. — Он должен кое-что увидеть.

Элеонора и на этот раз не сдержала ярости.

Бедную Мэри вывели на улицу, собрав всех рабов на «показательную казнь» — так любила выражаться Элли. Солнце стояло высоко, жарко, и люди стояли молча, опустив головы, потому что смотреть — нельзя, а не смотреть — ещё хуже. Мэри привязали к столбу для телег. Веревка врезалась под подбородком, и девушка беспомощно вертела головой, ища глазами хоть одно родное лицо.

— Не надо… мэм, не надо… — её голос сорвался на шёпот, потому что кричать у неё уже не было сил. — Я одену вас лучше всех, я буду стирать каждый день, только…

— Тише, девочка, — Элеонора наклонилась к ней, поправила выбившуюся прядь и улыбнулась. — Это не наказание. Это урок. Кому-то его приходится получать первой.

Кнут для лошадей вложили в руки Карла, возлюбленного Мэри, и приказали высечь девушку до полусмерти. Он стоял с кнутом, и руки у него дрожали так, что кожаная петля мелко подрагивала у самой земли.

— Делай, — тихо сказал надсмотрщик. — Или я возьму кнут сам. И тебя тоже.

— Мэри… — прошептал Карл. Она подняла на него глаза. Он ждал, что она проклянёт его. Она смотрела на него, как смотрят на воду, когда умираешь от жажды.

Со слезами на глазах он снова и снова наносил удары — сперва в стороны, мимо, потом всё точнее, потому что надсмотрщик уже поднял голову. Руки тряслись, ведь он бил по спине своей любимой, своей хрупкой девочке. Люди в толпе не смотрели. Кто-то беззвучно дышал в кулак. Старуха Бесс, кормившая Мэри грудью, стояла, схватившись за сердце, и губы её шевелились — она молилась, а может, просто хотела продать душу за одно мгновение и ударить мадам в лицо. Кто знает.

К вечеру того же дня тело не выдержало увечий — Мэри скончалась.

Её унесли в закуток у плетня, где лампа не горела. Карл сидел у порога до глубокой ночи. Потом встал, отряхнул колени, хотя на них ничего не было, и до утра ушёл работать — к колодцу, к плугу, куда скажут. Люди видели: он не плакал. У тех, кто выплакал всё, бессилие, боль и слабость застыло на лицах.

Отец Мэри, Френк, стоял при «казни» старшей дочери. Ночью он сидел в хижине, между сыновьями, и говорил очень тихо, почти не разжимая губ.

— Завтра они уедут, — сказал он. — Мадам поедет за новым платьем. Хозяин её повезёт. Я видел, как она с утра выбирала шёлк.

— А если нас поймают? — спросил младший, Дэвид. Ему было девятнадцать, и голос у него дрожал.

— Если поймают, — Френк посмотрел на него в темноте, — то сюда мы больше не вернёмся. Это всё, что нам нужно знать.

— А Мэри? — не выдержал Дэвид. — Мы её… её же не возьмём. Она же остаётся…

Френк молчал долго. Потом сказал:

— Её смерть не должна быть напрасной, не должна. Слышишь? Это место теперь навсегда в наших умах и сердцах, — и нам надо уйти от него как можно дальше.

Он понял: то же самое может случиться с двумя оставшимися дочерьми, которые так же прислуживали в доме мадам, — и подговорил своих братьев бежать.

Ночью территорию фермы охраняли куда тщательнее, чем днём. Собаки на цепях, люди у огня, и каждый час охрана делала круг по плантации, с фонарём и с ружьём. Фонарь ходил в темноте медленно, как будто и сам чего-то боялся.

Поэтому побег решено было организовать на следующий день, во время уборки урожая: надзиратели, не вынося жары и пекла, уходили поближе к деревьям — в уверенности, что рабы, до смерти боящиеся наказания за проступки, не осмелятся бежать.

На руку беглецам сыграла и капризная Элли: взамен испорченного платья ей захотелось новое, ещё шикарнее прежнего, а Уильям, исполняя любую прихоть жены, тут же отправился с ней к закройщику.

Элеонора, перед тем как сесть в экипаж, окинула двор долгим взглядом. Он скользнул по людям, по столбу для телег, по закутку у плетня, где всё ещё сохли отметины на верёвке, — и остановился на Френке.

— Френк, — сказала она, уголки её глаз дрогнули, как будто улыбаясь. — Я довольна тобой на этот раз.

— Спасибо, мэм.

— Работай так и дальше, — она поправила перчатку. — У тебя хорошая семья. Береги её.

Она не знала, как это прозвучало. Она просто сказала — и экипаж укатил за холм.

Как только хозяева отбыли, а надсмотрщики, выпив очередную порцию скотча, расслабились в тени деревьев, Френк с братьями вернулись в свою хижину. Дочери уже ждали спасителей, собрав припасы из дома хозяев в мешки.

— Быстро! — только и сказал Френк.

Вся компания тихо вышла на задний двор. Прихватив повозку с лошадьми, они двинулись к лесу — прочь от проклятого места. Стёкла оранжереи сверкали на солнце, как будто даже они делали вид, что ничего не происходит. Старый и глухой раб, убирающий сад, поднял голову — и снова опустил. В сердца он подумал, что если был бы молодым, он сейчас бы шел рядом, но участь его - сгинуть в этом проклятом месте. Он не подал виду, что что-то заметил.

Френк рассчитывал, что, добравшись до чащи, они затеряются там и их никто не найдёт. Он ещё не знал о расставленных ловушках.

В глубине леса лошадь угодила в одну из вырытых ям, присыпанных листвой, и повозка перевернулась. Грохот пронёсся по лесу и словно бы вернулся — на секунду позже, как эхо, но не совпадающее с ним по звуку. Все замерли. Дети прижались к отцу. Лошадь билась в яме, хрипя, и её приходилось добивать — кому-то из братьев, потому что поднять её было нечем, а оставлять дёргающуюся добычу надзирателям — нельзя.

— Они все услышали, — прошептала одна из дочерей, глядя на тьму между деревьями. — Они пойдут за нами. Они придут.

— Придут, — согласился Френк, поднимая мешки. — Поэтому идём.

Поняв, что дальше — только пешком, беглецы взяли самые лёгкие мешки и двинулись дальше.

Лес тянулся вверх по склону. Деревья здесь росли странно — слишком часто, слишком тесно, будто кто-то посадил их специально, чтобы никто не мог пройти. Под ногами хрустели ветки. Где-то далеко-далеко, должно быть в самом центре леса, зашумело что-то большое и потянуло холодом. Дети подняли головы. Взрослые сделали вид, что не слышали.

В это время один из охранников решил проверить, как идёт работа. Объезжая плантации верхом, он заметил, что нескольких рабов нет, и поскакал к хижине, где висел колокол для таких случаев. Его звон, слышный даже в лесу, оповестил остальных охранников о побеге.

Но главный надзиратель, зная жестокий нрав мистера Ферна, понимал: не поймав и не наказав беглецов, завтра он сам займёт их место.

— Собирайте люде, пускайте по следу собак, — сказал он ровным голосом, который был куда страшнее любого крика.

— А если уйдут?

— Не уйдут, — надзиратель усмехнулся, не глядя. — Их больше, чем нас, но они не смелые. Они будут бежать по прямой. Собаки возьмут след, мы пойдём за ними. И прежде чем они добегут до Орфилда, они поймут, куда попали.К тому же, на их пути припасены сюрпризы.

Он не сказал, что за лесом. Он просто посмотрел на верхушки деревьев, уходящие к горизонту, и чуть нахмурился — как будто впервые заметил, что там, в глубине, лес стал темнее, чем положено в этот час.

Все силы бросили на поиски Френка и его семьи, пробиравшихся сквозь чащу.

Увидев в лесу заброшенный — как им показалось — дом, Френк понимал: спрятаться там они не смогут, но перевести дух — вполне. Хижина стояла среди редких сосен, рубленая, с одним окном, завешенным тряпкой. Печка не дымила. Дверь была не заперта — но и не притворена: стояла нараспашку, как будто кто-то только что вышел.

— Слишком тихо, — сказал старший брат, осматривая хижину. — В лесу не бывает так тихо.

Компания забежала внутрь и наткнулась на троих вооружённых людей. Это были слуги мистера Ферна, тайно жившие в хижине круглосуточно на случай побега рабов. Лес стоял такой густой, что единственная дорога шла именно через эту хижину, а услышав незнакомые голоса в чаще охранники поняли что к чему и притаились.

— Ну-ну, — сказал один из них, поднимая ружьё. — А мы как раз скучали.

На раздумья не оставалось времени. Френк, рискуя собой и своими родными, бросился на одного из врагов; братья, недолго думая, ринулись ему на помощь. Борьба была недолгой: расправившись с охраной, беглецы забрали оружие и покинули хижину.

Позже, оглядываясь назад, они не могли вспомнить деталей. Помнили только, что всё произошло слишком быстро и слишком тихо — как будтострашный лес сам поглащал шум. Один из братьев потом говорил, что, когда всё кончилось, старший из охранников ещё дышал, и дышал он странно — не в воздух, а как будто во что-то, что было чуть ниже пола. Другой брат уверял, что слышал это тоже. Дети ничего не слышали — но шли после этого молча и держались очень близко к отцу.

Спустя некоторое время они вышли к холмам, за которыми виднелся небольшой городок. Вывеска при въезде гласила: «Орфилд — город свободных людей».

Френк остановился, глядя на неё долго, как будто хотел убедиться, что слова не исчезнут.

— Свободных, — повторила младшая дочь, пробуя слово на вкус.

— Свободных, — сказал Френк. И впервые за всё время улыбнулся.

Мало кто знает, что случилось потом с охранниками, — но поговаривают, что их больше никто не видел. А в той хижине с тех пор всегда было темно, и дверь её держали закрытой, и колокол на ферме больше никогда не звонил по-настоящему. Только иногда, в безветренные ночи, рабам слышалось — как будто кто-то ударил в него один раз, тихо, издалека, вежливо. Как будто напомнил: он всё ещё здесь. И никуда не уйдёт.

Глава II. Орфилд

Орфилд был небольшим городком на юге страны. Несколько лет назад в его окрестностях нашли огромные залежи руды — с тех пор городок и получил своё имя, он рос, богател и быстро учился не замечать того, о чём не принято было говорить вслух, того, что творится в соседних городах и на фермах.

Чуть позже жители выяснили: руда и особый рыжий от железа грунт — лучшая земля для красного мака. Цветок прижился так, будто его здесь всегда ждали. Он стал символом города.

Мак висел над каждой дверью — сухие связки головками вниз, как маленькие гроздья чего-то, что когда-то было живым. Он рос у каждого окна, и по вечерам, когда солнце садилось, все Орфилдские улицы на минуту делались тёмно-кровавыми. Люди носили цветок на шляпах, на груди, вшивали в подкладку пальто. Дети рождались — и в первую колыбель клали стебель мака: «чтобы духи видели, чей это ребёнок».

Первым это заметила младшая дочь Френка.

— Папа, — прошептала она, когда они вышли на главную улицу. — Тут одни цветы. Кругом одни цветы. Почему тут так много цветов?

— Потому что красиво, наверно — сказал Френк, но сам смотрел на связки над дверями и чувствовал, как у него сохнет горло. Запах был немного сладкий и немного нагнетающий. Он никогда ранее не слышал такой запах, голова закружилась.

Старший брат тоже заметил:

— Я нигде не вижу пчёл, — сказал он тихо. — В таком поле пчёлы должны быть.

Никто ему не ответил. И правда, пчел не было, не было животных и насекомых. Везде один камень и цветы.

Позже они узнали, что мак используется в спиритических сеансах. С его помощью жители Орфилда обращались к духам предков — просили помощи в развитии города. Просили красиво, по-семейному: накрытый стол, свечи, дым, тихие голоса. А духи, надо думать, слышали.

Френк узнал об этом позже, от пастыря, — и тогда же узнал ещё кое-что, о чём город умалчивал крепче, чем ферма о своих колодцах.

Беглецов приютил местный пастырь — седой человек с выцветшими глазами и очень мягким голосом. Он дал им пищу, кров и помог с работой на руднике.

— Вы не бойтесь маков, — сказал он за первым ужином, заметив, как дочь Френка отодвинула от себя тарелку, возле которой лежал стебель с алой головкой. — Это добрая традиция. Это память.

— Память о чём, святой отец? — спросил Френк.

— О тех, кто был здесь до нас, — пастырь улыбнулся, и в его улыбке не было ничего, кроме усталости. — Город стоит на руде. А руда, знаешь ли, любит уважения. Мы всегда просим прежде, чем взять. Всегда просим, Френк. Поэтому у нас всё так хорошо.

— А если не попросить? — не удержался Дэвид.

Пастырь посмотрел на него. Посмотрел пристально - так, как смотрят на вещь, которую придётся описать в отчёте.

— Мы всегда просим, — повторил он.

Френк видел, что в городе живут свободные темнокожие люди: они ходили по улицам с осанкой, работали на рудниках и складах, жили в собственных домах. Дети бегали между штабелями брёвен. На первый взгляд — земля обетованная.

Но Френк был с фермы. А человек с фермы умеет узнавать тишину — тот особенный сорт тишины, когда все всё знают и никто не говорит.

Раз в месяц город сходился к большой медной ванне в зале при церкви — руду там промывали и одновременно шептали, шептали все одновременно. Кто-то задавал вопросы, кто-то просил, кто-то благодарил, неравнодушных не было. Женщины сыпали в воду толчёный мак, старейшины читали имена умерших, и вода в ванне медленно поворачивалась — без ветра, без рук. Сперва против хода солнца, потом по. И когда она останавливалась, старейшина давал ответы. Город на все годы ни разу не строил ничего без этих ответов — и всё строилось как по маслу: шахты не обваливались, поезда не сходили с рельсов, урожай не пропадал.

Просто однажды Френк спросил у соседа по двору с руками в рыжих мозолях:

— Скажи по правде. Кого вы просите, к кому обращаетесь?

Сосед убрал руки в карманы — медленно, будто откладывая разговор.

— К духам, — сказал он. — Предкам нашим.

— И они приходят?

— Приходят, — сосед кивнул и посмотрел в сторону. — Всегда приходят, когда мак сыплешь. Они любят его запах. Они приходят — и помогают. И уходят.

— А если не уходят?

Мужчина поднял на Френка глаза. В них было всё, что Френк за двадцать лет на ферме научился узнавать без слов.

— Ты с новой стороны, — сказал он. — Не задавай вопросов, на которые город отвечает сам. В прошлый раз, кто спросил вслух, тот сам и пошёл проверять. Вниз, в шахту. Один. Ночью. Мы его больше не видели, — он помолчал. — Мак в тот год уродился особенно хорошо.

Так Френк и жил: днём — в вольном городе, а ночами прислушиваясь к тому, как по улице под окнами веет запах мака — густой, сладкий, почти приторный, — и вспоминая безветренные ночи на ферме и ровное пение из старого колодца. Два места, разные на вид. А между ними, если принюхаться, — один и тот же запах.

Френк больше ни о чём не спрашивал. Он работал, растил дочерей и научился не замечать связки над дверями — так же, как научился не замечать приторный запах.

Братья Френка недолго оставались при нём: через год один уехал на север, на железную дорогу, другой — с торговым обозом, и писали они редко. Так редко, что вскоре Френк узнавал о них разве что по чужим рассказам

Сам Френк дожил до глубокой старости. Его дочери благополучно вышли замуж и продолжили свой род.

На их домах тоже висели связки мака. Головками вниз.

Глава III. Судьба

С тех пор прошло много лет.

Осенним днём мистер Боепузо Джефферсон сидел в летнем саду своего дома и разбирал старинные фотографии. Сад доживал последний тёплый день: мак в этом году цвёл дольше обычного, и на клумбах среди бурой листвы алели пятна, на которые не хотелось смотреть слишком долго.

На фотографиях была изображена семья Боепузо. Чернокожий мужчина, держащий на руках смеющегося мальчика, — его отец, Джозеф. Фотография выцвела до цвета старого сахара, но смеющийся мальчик смотрел прямо в объектив так живо, что Боепузо каждый раз ловил себя на желании ответить ему.

Джозеф много раз рассказывал сыну историю семьи: его прадед Френк — с дочерьми и братьями — когда-то бежал от рабовладельца в свободный город Орфилд, где избавился от оков рабства. Отец говорил это всегда одинаково, с той торжественностью, с какой читают молитву, — и каждый раз заканчивал одинаково:

— Ты знаешь, что значит твоё имя? Боепузо - свобода и независимость. Тебя так назвали не для красоты, сынок. В этом доме не дают имён для красоты.

— А для чего, папа?

— Для напоминания. Ты должен стать великим человеком. Ты должен доказать, что темнокожий может быть лучшим. Не для белых — доказать. Для себя. Для мёртвых, которые смотрят на нас.

Джозеф умер, когда Боепузо было шестнадцать. Но голос отца в нём остался — и присутствовал теперь при каждом опыте, как строгий, добрый свидетель.

Под отцовской фотографией в стопке лежала другая — самая старая, на плотной картонной подложке с потёртыми углами. Трое мужчин стояли перед мастерской фотографа, вплотную, плечом к плечу, и смотрели в объектив с тем серьёзным, почти виноватым выражением, с каким в те годы снимались люди, не привыкшие, что на них тратят целых полминуты внимания. Френк и его братья. Снимок был сделан уже в Орфилде — отец говорил, что заказали его в первый год свободы, «чтобы было что оставить». Больше братья никогда не снимались вместе: дороги разошлись, и каждый лёг в свою землю — где придётся.

Боепузо смотрел на их лица и не мог вспомнить ни одного имени. Это всегда заставляло его чувствовать себя должником.

Шёл 1938 год. Боепузо было двадцать восемь. Преуспевающий учёный-биолог, он прославился изучением лечебных свойств красного мака. Молодой человек проводил много опытов, изучая растения и животных. Он любил жизнь — искренне, почти по-детски: его вдохновляла сама мысль, что всё в природе живое и взаимосвязано.

Если бы кто-нибудь из его знакомых спросил, что он больше всего любит в своей работе, Боепузо, улыбаясь, ответил бы: «То, что даже смерть в природе ничего не заканчивает. Всё возвращается в круг. Всё продолжает расти».

Он не знал ещё, как близко эти слова лежат к правде его родного города.

Идея разводить животных, скрещивать разные виды растений появилась ещё в годы учёбы в университете. Но корни её росли раньше. Дело в том, что маленький Боепузо, подрабатывая молочником, часто захаживал к пожилому профессору Мершье, жившему в конце улицы, в шикарном особняке, до которого никто и никогда не доезжал.

Особняк стоял так, словно прятался: высокий палисадник, чугунные ворота, заросшая аллея. Фермеры проезжали мимо, не поворачивая головы, прохожие старались не замечать огромный дом, они к нему привыкли. Боепузо заметил это раньше, чем понял. А ещё он заме-

тил, что дети отдают кувшин с молоком, держась за горлышко двумя руками, — и всегда бросают на крыльцо монету.

Месье Мершье был французским учёным, выходцем Парижского университета, выдающимся биологом.

— Твоё молоко, — говорил он, встречая мальчика на крыльце, — всегда слишком рано. Хорошее молоко приходит вовремя. Раннее молоко — как ранний дар.

Боепузо не понимал этих слов. Но брал у профессора монету за бутылку, и рука в перчатке — тонкой, кожаной, с инициалами «Ю. М.» — всегда была прохладной, как погреб.

Судьба привела Юбера Мершье в Орфилд, когда он узнал о чудо-растении, которое не только служило украшением и символом города, но и ставило на ноги любого, даже самого тяжёлого больного. А будучи ценителем магических ритуалов и экзорцизма — в молодости Юбера это было очень модно, — Мершье изучал свойства мака и его способность помогать вызывать мёртвых.

Город шептался, что знания эти имели у месье Мершье лицо и имя. Лицо это было женским и очень красивым: Люсиль. Он привёз её из Парижа совсем молодой — и потерял в первый же орфилдский год, скоротечно, как сгущаются сумерки. Она упала в собственном доме, с лестничного пролёта на гранитный пол холла, — и вместе с ней упал нерождённый ребёнок, о котором Юбер только-только начал говорить вслух. Врач написал «несчастный случай», но слова на бумаге мало кого убедили: Люсиль Мершье похоронили со свежим маком в руках, а над её окном с тех пор связки вешали чаще, чем где-либо в городе.

После её смерти месье не переехал и не переменил ни одной вещи в доме — только завесил её комнату на втором этаже плотной тканью. Окно за этой тканью горело лампой каждую ночь, до самого конца его жизни. Никто не видел, чтобы в окне кто-то стоял. Но свет не гас никогда — как будто дом продолжал кого-то ждать. Или как будто сам Мершье боялся, что, если погаснет свет, он перестанет слышать её шаги.

В доме всё ещё было устроено так, будто кто-то вот-вот должен появиться. В библиотеке стояла маленькая деревянная колыбелька, которую никто не трогал, и в ней лежал засушенный мак — не как украшение, а как оберег нерожденного младенца.

В доме Мершье маленький Боепузо любил разглядывать туловища животных в разрезе — стеклянные сосуды, в которых, когда-то бегавшие твари, теперь стояли неподвижно, фото растений под микроскопом, засушенные цветы и множество книг обширной библиотеки. Библиотека выходила в коридор, где висели часы. Часы показывали одно и то же время, и мальчик привык не смотреть на них.

Служанок в доме не держали. Точнее — приходили и уходили: приходила девушка из города, и через месяц-другой родные приходили за её вещами. Куда она уезжала, никто не спрашивал. Месье Мершье на этот счёт говорил одно:

— Этот дом не любит пустоты, Боепузо. А пустота здесь быстро заполняется тем, что приходит само. Люсиль… она не ушла. Она просто не смогла вернуться.

Как он это произносил — без пафоса, без слёз, почти буднично — пугало сильнее любых криков. В его голосе была не гордость и не тайна, а усталость человека, который долго стучал в одну дверь и теперь уже не верил, что ему откроют.

— Профессор, — спросил мальчик однажды, — а можно умереть от сна?

Юбер поднял глаза от микроскопа. Долго молчал. Потом отложил пинцет.

— Можно заснуть от смерти. Это гораздо легче. Смотри, Боепузо. — Он развернул к мальчику стебель мака, разрезанный вдоль. — Видишь эти ходы внутри? Таких не делает никакой жук. Они не грызут — они проведены. Мак ходит. Мак помнит дорогу.

— Куда, месье?

— Туда, откуда возвращаются те, кого мы зовём, — Мершье аккуратно положил стебель на салфетку, словно укрывая ребёнка. — Люди думают: они пьют отвар и засыпают. А на самом

деле они просто открывают дверь изнутри. Понимаешь, в чём беда? Дверь открывают они. А входят — не всегда те, кого звали. Я тоже хотел позвать одного человека.

Он впервые запнулся. И в этом запинании Боепузо услышал то, что профессор никогда не скажет вслух: он пытался вернуть Люсиль.

Юбер Мершье всегда что-то делал в своем кабинете, выражался он странно, а его спокойный, холодный тон придавал загадочности. Но именно это так и притягивало маленького Боепузо.

Профессор разглядел в мальчике живой интерес и способность к науке — и начал заниматься с ним. Рука в перчатке водила его пальцем по строчкам латыни; пахло от руки сухими цветами.

Так как пожилой француз имел авторитет в определённых кругах Третьей республики, добиться места для Боепузо, когда тот подрос, в Парижском университете не составило труда. Юбер как-то намекнул, что сам президент замолвил словечко за темнокожего юного гения.

— Президент, месье? — не поверил Боепузо.

— Президент, — Мершье улыбнулся и вытер очки. — Люди, Боепузо, платят за то, что им нужно. Мне платят не деньгами. Запомни это, когда ты станешь великим ученым, а ты им обязательно станешь, ты почувствуешь вкус этой валюты.

Уезжая в Париж, Боепузо в последний раз оглянулся на особняк. В окне за завешенной тканью стоял свет.

Как и следовало ожидать, после смерти Юбер Мершье оставил всё своё состояние своему дюбимому ученику.

Смерть настигла профессора в его кабинете, за рабочим столом, — тихо и вовремя. Врач не нашёл причин; врач вообще нашёл мало: язык в порядке, сердце в порядке, кожа как у спящего. Лицо Юбера было спокойным, почти довольным — так смотрит человек, досмотревший хорошую книгу до последней страницы. На столе перед ним лежал раскрытый дневник. Последняя запись занимала одну строку:

«Алый — бледнее, чем принято. Прошу прощения».

Что это значило, не знал никто. Боепузо переплёл дневник в кожу и убрал в сейф. Он перечитывал эту строку каждые несколько лет — и каждый раз она напоминала ему запах мака в тенистой комнате, которая пахла не цветами.

После учёбы во Франции Боепузо вернулся в родной город своих предков и поселился в поместье Мершье.

Огромное состояние, полученное по наследству, частью было заморожено в Европе — благодаря этому в первые годы Великой депрессии Боепузо практически ничего не потерял. Пока за океаном рушились банки, шли вооруженные конфликты, происходили революции, в Орфилде, как всегда, шли дожди; мак цвёл; город срезал их, сушил и вешал над дверями головками вниз. Всё оставалось на своих местах.

Речь о комнате Люсиль при переезде зашла сама собой. Работники, подносившие ящики, прошли мимо завешенной двери — каждый чуть быстрее, чем нужно. Боепузо распорядился, чтобы дверь не открывали. Он объяснил это уважением к памяти месье. Никто не стал спорить.

И только света в окне больше не было. С той ночи, как дом перешёл к новому хозяину.

Вечером, в сумерках, когда Боепузо сложил фотографии обратно в коробку, за окном тихо ударил колокол. Один раз.

Он не вздрогнул. Он давно приучил себя не вздрагивать от звуков в этом городе.

Но перед тем как выйти из сада, он вернулся к клумбе и сорвал одну головку мака. Понюхал. Пахло сладко — слишком сладко — приторно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.